

идентичных толкований к словам *салат* и *винегрет*?

Некорректным, на наш взгляд, представляется оперирование выражениями типа *топонимические объекты, гидронимические названия* (вып. 3: 130, 238), поскольку налицо подмена понятий: ведь в данном случае *объекты* – только *географические*, а *гидронимы* – уже *названия* водных объектов [Барандеев 1996]. К сожалению, в тексте хрестоматии встречаются опечатки и разночтения – общая беда современной практики печати, хотя, к счастью, в целом их немного.

При неизбежном переиздании хрестоматии, выпущенной мизерным тиражом в 100 экз., хотелось бы увидеть в ней портреты и других представителей отечественной лексикографии. Сделанные замечания носят частный характер и не умаляют несомненных преимуществ рецензируемой хрестоматии, которая, утверждая престиж лексикографического труда в современной русистике (что особенно полезно для начинающих исследователей), займет достойное место в серии публикаций, отражающих состояние и перспективы развития теории и практики отечественной лексикографии на рубеже веков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барандеев А.В. 1996 – Ложная дублетность в терминологии: топонимика и топонимия // Русская словесность. 1996. № 5.
- Барандеев А.В. 1999 – ФН. 1999. № 2. – Рец.: История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 1998.
- Борисова М.Б., Сиротинина О.Б. 1999 – ВЯ. 1999. № 6. – Рец.: Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. СПб., 1998.
- Девкин В.Д. 1999 – ВЯ. 1999. № 6. – Рец.: Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
- ИРЛ 1998 – История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 1998.
- Орел В.Э. 1997 – Двадцатилетие "Этимологического словаря славянских языков" (вып. 1–21, 1974–1994) // Этимология. 1994–1996. М., 1997.
- СВДР 1979 – Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.

А.В. Барандеев

Ю.С. Степанов. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. 824 с., 51 илл.

В истории отечественной филологической мысли есть труды, занимающие особое положение по их принадлежности к миру идей и образов русской культуры. Едва ли возможно сразу определить их ценность и выделить то, что является тем непогрешимым критерием оценки, который "держит в себе" читатель и рецензент. Такие книги имеют большую и сложную судьбу, пишутся годами, а порой и десятилетиями, и обдумывать их следует так же обстоятельно и неторопливо, как и требует того сам предмет – *terra incognita* науки – русская культура. По нашему разумению, задача рецензента состоит не в пресловутом "оппонировании" и высказывании собственного многозначительного мнения, а в понимании авторской позиции, круга его филологических познаний и общечеловеческих интересов. Из этого, наверное, складывается каждая книга. Чем богаче и шире поток мысли, ярче идеи, тем более непримиримой и жесткой может быть критика, пренебрегающая "тайниками души" исследователя,

для которого мир родного языка и родной культуры выступают вне иерархических границ и общепринятых взглядов.

Книга Ю.С. Степанова – это, безусловно, смелый опыт систематизации представлений о русских и отчасти индоевропейских культурных концептах. Это своеобразная семиотическая история понятий повседневной жизни – *к о н с т а н т*: от их истоков до наших дней. Естественно, что в таком исследовании и особая авторская методология, и позиция присутствуют как неотъемлемая часть "философии жизни", где одно – более близкое и понятное, другое же – познается только опытным путем. Изучение ценностей культуры с филологической точки зрения, использующей приемы строгой науки и их соотношение с живыми обликами реальной культуры, может привести к интересным выводам и весьма конкретным результатам, определяющим механизмы движения самой культуры. Как и предшествующие работы того же автора [Степанов 1994; Степанов, Проскурин 1993а,

19936], эта книга не есть "догма", а исследование фрагментов мировой культуры на разных уровнях: и собственно лингвистическом, и философском, и историческом и т.д. В каждом из них — свои приоритеты, но культурные установки во многом едины: *вечное, мир, время, действие, слово, вера, любовь, знание, язык*. Всякая из подобных констант не может быть понята до конца, но ее "ощущение" доступно нам.

Предмет Словаря, по словам его автора, — "концепты русской культуры как часть культуры общеевропейской, взятые, прежде всего, в момент их ответвления от европейского культурного фонда или фона..." (с. 7). Поэтому пристальное внимание в словарной статье уделяется этимологии концепта, то есть в широком смысле истории его бытования. И здесь ученый выделяет исконный словарный состав как "первое оригинальное достояние русской культуры" (с. 8). История концепта в большей мере соотносима именно с его, так сказать, русской частью, и доводится до сегодняшнего дня. Причем языковые данные осмысляются не только этимологически, но и текстологически, и психологически. Этого требует тип Словаря — "не словарь слов, а словарь концептов" (там же). Авторская композиция словарной статьи выглядит следующим образом: "1) этимология, 2) ранняя европейская история, 3) русская история (в той или иной степени), 4) сегодняшний день, с пунктирно прочерченной связью между ними..." (там же). Причем, на наш взгляд, именно характер этой связи и вообще движение самого концепта в концептосфере социума — одна из самых сложных задач.

Источниками этого труда послужили не только известные с XIX века попытки описания философских и исторических терминов, но и богатый опыт гуманитарных наук XX столетия — прежде всего работы Р. Барта [Барт 1994], Э. Бенвениста [Бенвенист 1995], Э. Сепира [Сепир 1993] и другие (перечень основных лексикографических источников см. на с. 11–12). Все же автор не строит свой "Словарь" путем сопоставления разных типов лексиконов и использования их методологических основ. В "Словаре" Ю.С. Степанова нет подбора цитат и их выстраивания в удобном положении, здесь авторское толкование ведется в ключе собственных теоретических и исторических размышлений. Ученый пытается "проникнуть" в концепты и обнаружить их "действие в сфере культуры". Одним из основных вопросов, стоящих перед исследователем, явля-

ется не только выяснение, так сказать, принадлежности концепта к русской культуре, но и в определении границ самой культуры. Ю.С. Степанов заключает: "(...) русская культура реально существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, означающих культурные концепты" (с. 9). Но автор не стремится доказать абсолютную непреложность сказанного, допускает даже некоторую гипотетичность в толковании концептов как "коллективного бессознательного". Но и на этом пути находятся оппоненты, считающие, что "сами концепты в некотором роде не существуют" (с. 10). Можно лишь порадоваться деликатной просвещенности автора "Словаря", не вступившего в "схватку" с противниками, ибо его книга и есть ответ на многие спорные вопросы, в том числе и на реплики о "произвольной селекции и комбинации материала" [Болотов, Пильщиков 1994: 40] и "антифилологичности" [Там же: 41].

Обратимся подробнее к словарным статьям книги, раскрывающим взгляд Ю.С. Степанова на исследуемый круг вопросов. Содержательная часть "Словаря" открывается вводными статьями: "Культура", "Концепт", "Константа", где определяются основные положения базовых концептов. "Концепт, — по мнению автора, — как бы сгусток культуры в сознании человека" (с. 40). Концепты имеют сложную структуру и являются предметом разных наук. "Константа в культуре — это к о н ц е п т, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время" (с. 76). Автор выделяет два типа: константа как принцип и константа как концепт.

Рассмотрению устойчивых концептов культуры посвящены остальные разделы книги: I. *Вечное, вечность*; II. *Мир, Быть, существовать (в мире, искусстве, языке)*. *Время*; III. *Огонь и вода. Хлеб*; IV. *Действие. Ремесло*; V. *Слово. Вера. Любовь. Радость. Воля (хочу)*; VI. *Правда и истина*; VII. *Знание, наука*; VIII. *Число, счет; письмо, алфавит*; IX. *Закон*; X. *"Свой" и "чужие"*; *Русь, Россия, русские, россияне. Родная земля*; XI. *Цивилизация*; XII. *Человек, личность. Душа*; XIII. *Мир (община). Мещанство*; XIV. *Интеллигенция*; XV. *Совесть, нравственный закон, мораль*; XVI. *Деньги, бизнес*; XVII. *Страх, тоска. Грех. Грусть, печаль*; XVIII. *Дом, уют*; XIX. *Буратино*; XX. *Язык. Причина и цель. Эволюция*. Автор подразделяет статьи на термины, означающие базовые концепты

(мы их указали в перечне) и концепты вообще небазовые или производные от базовых (из отмеченных это – *Буратино*, а также: *Кашей бессмертный*, *Баба-Яга*; *ментальные миры*; *партийность*; *софия*; *двоеверие*, *тайная власть*; *интернационализм и космополитизм*; *гражданское общество*; *славянофилы и западники*, *харизматическая личность*, *облик толпы* и др.).

При всем разнообразии и "многополюсности" концептов автор удачно сочетает строгий лингвистический анализ терминов и обозначаемых ими понятий (то, что составляет внутреннюю форму концепта), показывая, как развивается в языке и культуре "событийное" начало, и философию концепта, его, так сказать, духовную историю (см., например, статьи о *Слове*, *Вере* и др.). Важно, на наш взгляд, что Ю.С. Степанов имеет представление не только о ретроспективе и прослеживает "движение" концепта на его базовых формациях, но и дает с о в р е м е н н ы й взгляд на актуальные ныне проблемы, где как раз концептуальное выступает в ином "формате", как бы преобразуя исходный материал и используя его для построения нынешней культуры. В этой связи интересны статьи о *Харизматической личности*, *Табели о рангах*, *Диссидентах* и *Облике толпы* и др.

Мы полагаем, что перечень констант мог быть и более широким, например, за счет введения традиционно русских культурных феноменов, таких, как *соборность*, *софийность*, *космизм* и др., т.е. специфических параметров русской культуры. На наш взгляд, было бы полезным обращение к идеям В.В. Колесова, не раз выступавшего на страницах научной печати по проблемам ментальности. (См., напр., его статьи: "Имя – знамя – знак" [Колесов 1983], "Язык и мы – ощущение дня" [Колесов 1991], "Концепт культуры: образ – понятие-символ" [Колесов 1992].) В последней из указанных работ ученый пишет: «Исторически каждое ключевое слово национального языка проходит путь семантического развития от туманного "нечто" ... к культурному символу, со все усложняющейся специализацией д(ифференциальных) п(ризнаков) и с одновременным преобразованием содержания понятия, сигнификативов, семы и пр. (...)» [Колесов 1992: 34].

Ключевые слова национальной культуры типа "свой" (русс.-слав.) и "здравый смысл" (англ.), "мы – они" также целесообразно включить в методологию подобного исследования. Плодотворные разыскания в этой

области на широком общеславянском фоне ведутся в течение многих лет О.Н. Трубачевым, который, в частности, писал, что славянский корень **zvo-* представляется нам ключевым словом славянской и праславянской культуры в целом" [Трубачев 1991: 163]. Немало полезного можно извлечь и из других тезисов, таких, как "само-название и самопознание", диалектология культуры, типы ключевых слов и типы культуры и др. Академик Н.И. Толстой удачно применял метод "семантического поля" и символику предметов и действий для объяснения процессов, происходящих в культуре и языке. Так, например, система бинарных оппозиций типа "правый – левый", "мужской – женский" позволяет определить характерные особенности национальной традиционной концептосферы, ее истоки и связи с пограничными "массивами" (см. [Толстой 1987]). Но, с другой стороны, мир меняющихся слов не всегда обозначает разные понятия: одни становятся архаичными, другие, наоборот, находят подтверждение процессам культуры современного общества. И здесь, наверное, очень сложно определить, какой из концептов является неотъемлемой частью русской культуры (тем более, что автор исследует значительный по времени исторический период), а что есть принадлежность европейской, мировой. К тому же одни и те же концепты имеют неоднозначное употребление в разных культурных слоях (ср. [Трубачев 1998]). Уместно было бы сказать и о таких лингвофилософских концептах, как *лексика природы и экологии*. Ставшая популярной в последние годы "планетарная" проблематика, в которой видится следование идеям В.И. Вернадского, – о сферах человеческой деятельности, о соотношении мифологии и этнологии, о моделях эволюции и ноосфере (см. сб. [Ноосфера 1991]) также, вероятно, в будущем потребуют осмысления в русле "Словаря русской культуры".

Есть, однако, такая область именно филологической мысли, которая до сих пор не была представлена так широко и глубоко, как у наших прославленных ученых XIX столетия – Ф.И. Буслаева, В.И. Ламанского, А.А. Шахматова. И мы не имеем в виду только их научные заслуги, но прежде всего д у х деятельности и ее направленность на "исправление дел человеческих". "Словарь русской культуры" – это и д у х о в н ы й лексикон, вне зависимости от методов исследования, литературы и тех констант, которые исторически и лингвистически имеют свою "этимологию".

Было бы очень неплохо, на наш взгляд, обратиться подробнее к "словесам и главизнам священного писания", изложенным, например, в классическом произведении русской духовной мысли — *Добротолюбии* (см. [Добротолюбие 1993]). В главах этого мону-ментального труда есть константы и н о г о мира, понятного и ощущаемого ныне немногими ревнителями просвещения, но неизменно присутствующего в н а с: общие начала подвижничества, о добродетелях и страстях, о покаянии, четыре сотни глав о любви св. Максима Исповедника и др. Замечательно, кстати, определение едва ли не самой величественной из констант бытия — *любви*, данное св. Максимом Исповедником: "Любовь есть благое расположение души, по которому она ничего из существующего не предпочитает познанию Бога. Но в такое любительное настроение невозможно прийти тому, кто имеет пристрастие к чему-либо земному" [Там же. Т. 3: 164]. Очень обстоятельно говорится о многих константах культуры в "Творениях Тихона Задонского". Том 4 его сочинений содержит "Сокровище духовное": *мир, солнце, отец и дети, господин и раб, междоусобная брань* — все это элементарные константы нашей культуры, но познанные и прочувствованные иным, духовным путем (см. подробнее [Тихон Задонский 1994]). Наконец, замечательна "Симфония по творениям святителя Тихона Задонского", изложенная архим. Иоанном (Масловым). В ней есть такие понятия с к о р н е в ы м и, на наш взгляд, константами: *блага материальные, благодать, благополучие; богопознание, богопочитание, богообщение, богомыслие; жизнь будущая, вечная, земная, временная, греховная, порочная, духовная, благочестивая; мир с ближним, мир с богом, мир-вселенная, мир земной, греховный, душевный, миропознание; любовь божия к человеку, любовь к Богу, к ближнему, к врагам, любоделание, любочестие* и др. (см. подробнее [Иоанн (Маслов) 1996]).

Мы не считаем возможным в нашем предварительном разборе касаться частных проблем и заниматься выяснением тех или иных авторских недосмотров в отдельных словарных статьях. Привлеченный Ю.С. Степановым для своего "Опыта" материал огромен, и охватить его во всех плоскостях едва ли возможно сразу, но необходимо подчеркнуть, что логика мысли ученого, строгость и продуманность изложения, грамотные комментарии свидетельствуют о большой внутренне-осмысленной

работе над проблемой констант русской культуры. "Нет, точка здесь, наверное, не будет поставлена никогда..." — заключает книгу автор, побуждая читателей и критиков к вдумчивому прочтению и осмыслению мира в его многообразии и гармонии.

Книга снабжена Предметным указателем, состоящим из перечня "малых концептов" русской культуры с их последующей расшифровкой. Эти компоненты могут послужить в дальнейшем созданию более подробного лексикона, который бы отразил основные культурные стихии (их, по мнению Ю.С. Степанова, 18) (с. 777–784). В указателе также помещены понятия науки о культуре — всего 11 (с. 784–792), раскрывающие систему описания концептов и инструментарий. Завершают исследование Указатель упомянутых слов и словосочетаний по языкам (с. 793–811) и названия божеств, мифологических персонажей и местностей (с. 811–813). В Именной указатель (с. 813–824) включены цитируемые автором фамилии ученых, философов, государственных деятелей и других лиц, чей опыт и труды были использованы на страницах монографии. Кстати, удельный вес имен неодинаков. Среди них ученый выделяет следующих "движителей" культуры (именно их имена чаще всего фигурируют на страницах книги): Аристотель, Э. Бенвенист, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Ф.И. Буслаев, Гегель, Гомер, Л.Н. Гумилев, В.И. Даль, Ф.М. Достоевский, И. Кант, В.О. Ключевский, В.И. Ленин, М.Ю. Лермонтов, В.Н. Лосский, А. Мейе, Платон, А.С. Пушкин, Б.А. Рыбаков, Вл.С. Соловьев, И.И. Срезневский, И.В. Сталин, А.Н. Толстой, Л.Н. Толстой, О.Н. Трубачев, Н.С. Трубецкой, Д.Н. Ушаков, П.А. Флоренский, А.П. Чехов и др.

Опыт Ю.С. Степанова весьма интересен как самобытный научный труд, тезаурус знаний светского ученого о русской культуре. Книгу придется еще не раз перечитать, определив ее "вес" и место в жизни современного общества. Сколь долго уготовано жить такому труду, покажет время, но даже сейчас, не имея той степени знаний и уровня обобщений, которые были представлены автором монографии, мы можем определенно сказать, что "движение мысли", ясность ума, отсутствие тенденциозности, выражающееся в нежелании автора подавлять своим методом и мнением, корректность по отношению к самому концепту — все эти качества рецензируемого труда, без сомнения, обратят внимание еще многих и многих читателей на "Словарь русской культуры". Ведь все же главное, к чему должен

стремиться автор – сделать свою концепцию ж и з н е н н о й, помочь задуматься читателю над сложными и неоднозначно оцениваемыми проблемами. И если в какой-то мере это достигнуто, значит, соединились две "константы" – автора и читателя как представителя э т о г о сообщества, э т о й культуры, в которой он живет, творит и мыслит.

После выхода первых работ Ю.С. Степанова акад. Д.С. Лихачев откликнулся на них небольшой, но очень важной статьей "Концептосфера русского языка", где высказал свой взгляд на природу и культуру концепта (см. [Лихачев 1997]), в чем-то отличающийся от мысли Ю.С. Степанова, но в чем-то идущий в русле предложенного исследования, что естественно. Важно для нас, филологов, здесь одно замечание почтенного ученого: "...язык в потенциальной форме его концептов – воплощение всей культуры народа" [Там же: 287]. Значит, размышления над проблемой только начинаются...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт Р. 1994 – Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Бенвенист Э. 1995 – Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Болотов С.Г., Пильщиков И.А. 1994 – О "семантической реконструкции" (Несколько замечаний и дополнений к статье Ю.С. Степанова) // *Philologica*: Двужычный журнал по русской и теоретической филологии. Т. 1. № 1/2. Москва; Лондон, 1994.
- Добролюбов 1993 – Добролюбов. Т. 1–5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
- Иоанн (Маслов) 1996 – Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 1996.
- Колесов В.В. 1983 – Имя – знамя – знак // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур. Л., 1983.
- Колесов В.В. 1991 – Язык и мы – ощущение дня // Новый журнал. 1991. № 5.

- Колесов В.В. 1992 – Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. 1992. Вып. 3 (№ 16).
- Лихачев Д.С. 1997 – Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997.
- Сепир Э. 1993 – Избранные труды по языкознанию и филологии. М., 1993.
- Ноосфера 1991 – Ноосфера и художественное творчество. М., 1991.
- Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. 1993а – Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., 1993.
- Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. 1993б – Смена "культурных парадигм" и ее внутренние механизмы // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993 (Международная серия монографий. Т. 1).
- Степанов Ю.С. 1994 – Слово: Из статьи для Словаря концептов ("Концептуария") русской культуры // *Philologica*: Двужычный журнал по русской и теоретической филологии. Т. 1, № 1/2. Москва; Лондон, 1994.
- Тихон Задонский 1994 – Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Т. 105 / Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994.
- Толстой Н.И. 1987 – О природе связей бинарных противопоставлений типа *правый – левый, мужской – женский* // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
- Трубачев О.Н. 1991 – Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.
- Трубачев О.Н. 1998 – Меняющийся мир и вечные слова // Отечественные лексикографы XVIII–XIX вв. Материалы для хрестоматии. М., 1998.

О.В. Никитин